

АНТОЛОГИЯ ВОЛОГОДСКОЙ ПОЭЗИИ

Поэт и прозаик Алексей Алексеевич Ганин (28.07.1893–30.03.1937) родился в деревне Коншино Кадниковского уезда Вологодской губернии в крестьянской семье. Ганин закончил двухклассное земское училище в селе Усть-Кубинское, затем городскую гимназию в Вологде. В 1911–1914 годах учился в Вологодском фельдшерско-акушерском училище. В 1913 году – первая публикация стихов в вологодской газете «Эхо». В 1914 году А. Ганин призывается в армию и проходит службу в Николаевском военном госпитале Петербурга. В начале 1916 года знакомится с С. Есениным, служившим в подобном же госпитале в Царском Селе. Летом 1917 года вместе с Есениным и Зинаидой Райх Ганин совершает поездку на родину, во время которой в Кирико-Иулитовской церкви (неподалеку от Вологды) происходит венчание Есенина с Райх. Ганин выступает поручителем со стороны невесты. В 1917 году

Ганин вместе с Клюевым, Есениным и Орешиним публикуется в альманахе левозероградской ориентации «Скифы». Вместе с Есениным (а также А. Мариенгофом) он публикуется в имажинистском сборнике «Конница бурь» (1920). Демобилизованный в 1916 году по состоянию здоровья, А. Ганин в 1918 году снова вступает теперь уже в Красную Армию добровольцем и служит фельдшером в госпиталях Северного фронта. После увольнения поступает в Вологодский институт народного образования. Активно выступает в печати, в частности, в вологодском журнале «Кооперация Севера», в петроградском журнале «Записки Передвижного Общедоступного театра», издает в Вологде отдельным миниатюрным изданием поэму «Звездный корабль» (1920) и выпускает в 1920–1921 годах десять изданных трудоемким ручным способом малотиражных книжечек стихов с указанием на них вымышленного места издания «Коншино» (родная деревня поэта) и вымышленного же издательства «Глина». Осенью 1923 года Ганин переезжает из Вологды в Москву, где в 1924 году выходит наиболее полный и последний сборник его стихотворений «Былинное поле». Принадлежащий по своему

социальному происхождению, воспитанию и идейно-художественной направленности к группе новокрестьянских поэтов, Ганин отличается от них ориентацией исключительно на поэзию символистов (Бальмонт, Блок, Белый). В его поэзии разлитое настроение грусти, кротости, вздоха по невидимому или утраченному миру, которое более всего присуще поэзии символистов. С новокрестьянскими поэтами Ганина роднит исключительно земледельческое восприятие мира. День представляется ему «сгорбившимся» от «мужичьих забот», а ветерок «домотканым». Сам себя Ганин, впрочем, считал не принадлежащим ни к какому литературному направлению и просил называть просто «романтиком начала XX века». Революцию 1917 года Ганин воспринимает поначалу в духе ожиданий преобразования несовершенного старого мира в царство гармонии и благоденствия. Но вскоре, однако, уясняет для себя антикрестьянскую сущность проводимых большевиками «преобразований» и создает ряд произведений, направленных, в иносказательной форме, против сил, угрожающих России, и в первую очередь крестьянству. Сложным раздумьем о дальнейшем пути крестьянства в трудной и неясной для него исторической обстановке посвящает он роман-притчу «Завтра» (1923). А.А. Ганин – второй после Н. Гумилева поэт, ставший жертвой большевистского террора и первый, открывший мартирологический список всех остальных, уничтоженных после него новокрестьянских поэтов. Осенью 1924 года его в числе группы молодежи арестовывают. За улику принимаются найденные у него при обыске тезисы «Мир и свободный труд – народам», содержащие откровенные высказывания против существующего режима. Попытка автора выдать текст «тезисов» за фрагмент задуманного романа не достигает результата. Ганин был расстрелян в подвалах Лубянки. Имя Алексея Ганина не кануло в лету. Память о нем свято хранят и на его малой родине в Сокольском районе, где друг Алексея Ганина Пимен Карпов однажды сказал о нем: «В застенке замурованную славу потомки воскресят в родном краю». Так и произошло: в деревне Коншино Сокольского района Вологодской области в год 100-летия со дня рождения поэта был установлен памятный камень. После этого в районе регулярно стали проходить Ганинские чтения, на которые приезжают вологодские писатели и поэты. В средней школе и библиотеке села Архангельского Сокольского района созданы экспозиции, посвященные жизни и творчеству поэта.

УТРО

Мое жилище, Землю грешную, печальный и убогий край,
любовью светлой и нездешней я полюбил, как прежний рай.

Одел поля пшеничным золотом, пчелиным медом напоил,
и все преграды лунным молотом рассыпал в звончатую пыль.

На всех путях, на веки черные, где в медных вихрях шла Гроза,
затешил свечи чудотворные, поставил зори-образа.

Мой лук — заутреннюю раду — я натянул. И луч-стрелу
вонзил глухому зверю в пазуху, точившему на поле мглу.

И растворилось небо синее, и от лошин, из-за бугров,
пошли толпами старцы сивые на горный звон колоколов.

Орлица-мысль, игривей зяблика, за море в глуби уплыла
и Солнце — золотое яблоко — в горящем клюве принесла.

1915

ПРОЗА. XXI ВЕК

• Окончание. Начало на 5-й стр.

как всегда, тихо улыбался, словно бережно вслушивался в непонятные изменения, происходящие внутри его самого.

Увидев старого знакомого, шурящегося на желтое неподвижное марево, худой светловолосый Витька приподнял голову и приветливо закивал, улыбаясь.

Только сейчас Русанов по-настоящему понял, как он за этот денек поизмотался. И предложил Витьке его поддержать, для пушей убедительности шелкнув себя по горлу. Как-никак, сколько было в свое время выбегано по одним школьным коридорам и, всегда уж на особицу, после Витька-офицера выбрал дело по своему нутру. С тех пор неприкаянно-одиноким и вечно себе на уме, появлялся он порой в их просторном дворе. В промежутках — от одной командировки до другой. Теперь тоже одинокашник поискал задумчивым взглядом перед собой, следом чуть пожал плечами. И они на пару, не спеша, лениво побрели в сторону микрорайонского рынка.

Неумолимое солнцестояние опять встретило их на просторе во всеоружии: оно обливало знойным жирным варевом синевато-хрупкие многоэтажки и, стекая светоносным потоком с высоты ненадежных панелек, плавило сухую, морщинисто растрескавшуюся землю. Да вдобавок еще из некоторых распахнутых окон, ровно из преисподней, доносились беспрерывно-музыкальное забывание, вероятно, направленное на стимулирование всеобщего летнего настроения.

А Русанов запоздало удивился тому, что оп как-то незаметно умудрился сам с собою разговаривать. Но тотчас справедливо успокоился тем, что повествование о брошенном ими молодом парне предназначалось для контуженого Витьки-офицера. Правда, когда даже посторонние при этой исповедальности вслед оглядываются: чем не признаки персональной беседы с собой, все еще подрастленным?..

Только удивительней всего было, что Витька, с последней «горячей точки» стянутый к самому уху пугающе-рубленным тугим шрамом, нынче довольно внимательно слушал собеседника.

— Значит, не отзвонился? — спокойно уточнил он, вытирая широкой ладонью пот с высокого загорелого лба и растирая шею под воротом белой рубашки. — Сам смотри: что теперь об этом, как все прошло. Чего уж там. — И не столько слова,

сколько взгляд запомнился, хотя говорил он, глядя в сторону, точно сам был в чем-то виноватый.

Они были уже на лысой сухой горушке перед цветной панорамой микрорайонского рынка с торчащим поверху желтым козырьком пивного павильона, — наискосок через дорогу: тентово-многоголосого, затопленного расплывшимся, как парное молоко, солнцем.

Для самого Русанова не являлось небесным откровением, что до того, как предложить бывшему однокашнику составить компанию, он уже на ус себе наматал, что на рынок надо идти отсюда, с их бываловской стороны, чтобы лишнего кругляка по такой жаре не делать. Потому как именно здесь, в этом месте, и находился у них один-единственный стояк уличного телефона.

Не поворачивая головы — спиной он, что ли, видел? — Витька-офицер негромко буднично предупредил:

— Любои номер высвечивается, и разговор записывается. А если базар о мокрухе — менты, как бобики, прилетят. Значит, надо только главное сказать.

Выходило, что дело вправду грозило быть серьезным. Но Русанов — тоже еще та порода — набрал уже нужный номер и решительно, толково, как ему думалось, объяснил должностному лицу на другом конце провода про случившееся на окружающей дороге. Телефонный собеседник, однако, не выказал ожидаемой заинтересованности. А в свою очередь доверительно, даже задушевно, едва ли не по деталям стал уточнять все, что для него было непонятным. Русанова это даже за живое задело: он уже настроился на более толковое объяснение, как встретился с немигающим взглядом Витьки-офицера, как бы проходящим насквозь любого, кто оказывался рядом. Тогда он быстренько, без лишних рассуждений и вернул телефонную трубку на законное место. А Витька, деловито отбегав ее листом придорожного лопуха, ошметья воспитанно выбросил в мусорку.

Затем они, не сговариваясь, покинули это лобное место и оказались на рынке. Покупки, дело не хитрое, были сделаны точно по намеченному списку, и вскоре приятели расположились под ярким тентовым зонтом с холодным «Янтарным»: мимо — рукой подать — пролегалла дорога, каменисто-пыльная, с засохшей серой грязью, на обочине которой белым на глазу и торчал тот самый пресловутый

телефон-автомат, — прямо невольный наблюдательный пункт.

Только та русановская тягомотина, что была внутри, куда-то уже делась, сама собой истаяла, и он беззаботно потягивал из высокого хлипкого стакана, не обращая внимания на привычно-окружающий бедлам, которому, кажется, не предвиделось ни начала, ни конца.

— Тогда зачем я поймал белку? — возьми да как пристукни Витька по пластмассовому, без тоги качкому столику изумрудной раскраски. А его взгляд становился темнее и тревожнее, торопливо блуждая поверх яро затопляемого светом, копошащегося с муравьиным упорством людского рынка.

— Какую белку? — спохватился Русанов, вспомнив, что с некоторых пор Витька-офицер нет-нет, да и начинал ни с того ни сего заговариваться, вызывая определенные опасения отдельных дворовых старожилов.

— Белую горячку, — быстро взяв себя в руки, неохотно пояснил собеседник. — Обыкновенную белую горячку, паря, — и, махом хлопнув свое стаканное содержимое, он склонил голову набок, усмехнувшись. — Не бойсь, на здоровье не обижен: здесь у меня полный порядок. — А после с каким-то лишь ему ведомым значением добавил: — Только не от этого, земля, наши домики покосились...

Но на этом его разгон и прервался: Русанов, лицо которого вытянулось в неподдельной тревоге, увидел, как в горку мимо их тента напрямик к телефону-автомату, где он только что задушевно беседовал с излишне любопытным представителем власти, бойко подлетела пара полицейских машин с фиолетовыми мигалками на кабинах. Из них дружно выпрыгнула вооруженная группа быстрых, крепких парней, одетых в черную форму, и стала растекаться по гуляющему рынку — налаженно и стремительно.

— Не наш сегодня день, — тут же легко оказался на своих двоих Витька-офицер. — То ли у вас там без мокрухи не обошлось, а может, у них просто плановый шмон. Только сейчас все кругом в два счета зачищают, — повел он указательным пальцем. — Ребята эти из «Барса» — и черепаху на карачки поставят, все еще в войнушку не наигрались. Давай-ко в темпе по домам и лучше поодиночке, надежнее будет. — И, неморгающе глянув в неподвижно-раскаленную вышину, Витька, обращая точно

к кому-то оттуда, сверху, негромко проронил: — Поперек уже горла встало, надоело все это. — После чего, махнув рукой, он неспешно, но в то же время как-то незаметно, как и не было человека, — смешался с многоликой толпой, стремящейся по направлению к автобусно-троллейбусной остановке.

А поборнику справедливости, оставшемуся пребывать далеко не в гордом одиночестве, опять сделалось мутно: выходит, вместо того, чтобы этим орлам в черной форме разобраться с тем самым забытым дорожным незнакомцем, они прилетели сюда для захвата позвонившего с уличного телефона, что еще непонятно? В тот момент ему даже показалось, что эти люди в черном одеянии обязательно схватят его за шкуру, как самого закоренелого злодея из злодеев, долго ли это сделать умеючи?.. И тогда уже точнее некуда, что все русановское сущее после этого не будет стоить и ломаного гроша. По-прежнему еще не веря в происходящее, растерянный, он совершенно не вслушивался в поднявшийся гвалт и рев со стороны рынка.

Так и надо было, правильно: кто надоумил лезть не в свое дело, — без толку все это затевалось! В голове появилось нехорошее, какого не знавал, кружение и непонятная слабость, а в глазах вдруг стало меркнуть.

Такое бы раньше даже во сне не привиделось, но теперь, похоже, как с большинством из ныне живущих — не нам чужую волю пересуживать, — с Русановым тоже случился мимолетный провал в памяти, потому что в следующий миг он уже очнулся дробно бегущим с покупками под мышкой в районе своих домов. Как назло, ему еще не давало покоя нечто непонятное, словно в насмешку засеявшее прямо в темечко: «Ничего не вижу, ничего не слышу, ничего никому не скажу...». Бывшее словами некогда известной песенки, это талдычащее нынче безнаказанно забралось в распухшую голову и упрямо не желало покидать место своего временного пребывания.

Но Русанов, вконец измученный скользким и злым, едким потом, — больше уже ничего не лежало на душе, — правил свои стопы, быстрее стремился только к спасительному дому возле старинной роши, где у них там в любом лихе всегда бывает тихо, и где его давным-давно заждались, — к своим...

Хоть там сегодня всё было слава Богу.